

Морозова Е.И.

(Харьковский нац. ун-т имени В. Н. Каразина)

КОНФИГУРАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛИЗОВАННОГО КОНЦЕПТА

Morozova E.I. The Configuration Model of the Verbalized Concept. This article elaborates the modus model of conceptual entities, which has been suggested by M. V. Nikitin, by introducing a dynamic modus into this structure. It is demonstrated that when instantiated in discourse, a concept, which is a unity of static and dynamic modi, turns to a human conceptualizer with particular facets depending upon the nature of the situation.

Key terms: concept, configuration (modus) model, static / dynamic modus, discourse, situation, human conceptualizer

В современном языкознании ученые нередко получают знания об объекте, исследуя его с разных сторон с применением разных методов, но при этом стремясь связать эти знания, оперируя в одной и той же концептуальной «плоскости». При таком подходе соответствующие знания выступают как части создаваемого в процессе исследования сложного концептуального образования, становясь «аспектами» изучаемого объекта, а искусственно устанавливаемая между ними связь экстраполируется на сам объект и истолковывается как внутренняя.

Наглядной иллюстрацией подобного – механистического по своей сути – объединения разнородных сведений об объекте могут служить лингвистические работы, авторы которых полагают, что структура изучаемого ими объекта изоморфна «интегративной системе» совокупного знания, полученного путем формальной связи выявленных характеристик объекта – структурных, семантических, прагматических, дискурсных, паралингвистических и т. п. Не является здесь исключением и широко распространенный в лингвокультурологии подход к анализу концепта, в соответствии с которым исследователи выделяют его понятийную, образную и ценностную составляющие [Воркачев 2007, с. 7; Карасик 2002, с. 139-140; Приходько 2006, с. 21; Слышкин 2000, с. 11-13]. Это, собственно говоря, предполагает, что концепт состоит из соответствующих частей, чему, вполне естественно, весьма затруднительно найти психологическое подтверждение. Но подход к моделированию концепта может быть и иным. *Целью* данной статьи является обоснование альтернативного подхода к моделированию концепта, базирующегося на методологическом принципе конфигурирования.

Философ и методолог Г. П. Щедровицкий, разработавший идею методологии как общей рамки мыследеятельности, считает, что вместо того, чтобы искать какие-то связи между полученными знаниями об объекте в плоскости самих этих знаний, нужно вначале каким-то образом воспроизвести структуру объекта, а затем, исходя из нее, восстановить те «повороты абстракции», которые привели к имеющимся знаниям [Щедровицкий /http]. Абстракция, как известно, есть мысленный анализ объекта или группы объектов с целью вычленения общего [Новейший философский словарь 2001, с. 2]. Разные виды абстракции – родовидовая и рациональной структуры объекта – в корне отличаются друг от друга.

Родовидовая абстракция лежит в основе образования понятий. Так, например, содержание понятия КОРОВА формируется в результате абстрагирования наиболее существенных характеристик всех коров (объем понятия). Слово *корова* применимо и к эмпирически наблюдаемым коровам (единичное, видовое), и к обобщенному «образу» животных этого вида (общее, родовое). Иерархические отношения между понятиями также базируются на родовидовой абстракции, например, ЧЕЛОВЕК (род) – ЖЕНЩИНА / МУЖЧИНА (вид).

Абстракция рациональной структуры не имеет отношения к проблеме единичного и общего. Посредством абстракции такого рода формируются понятия о предельных объектах, определяемых как абстрактные объекты, на примере которых мы рассуждаем о существенных свойствах реальных объектов [Шаумян 1999, с. 186]. Иными словами, предельный объект – это модель реального объекта или реальных объектов. Примером здесь может быть стереотип (муж: неряшливый, занудный, пузатый) [Lakoff 1987, с. 87], идеал (муж: кормилец, верный, сильный, уважаемый, привлекательный) [там же], образец (муж: подруги) и т.д.

Абстракции рациональной структуры объекта не являются его частями: они представляют собой «проекции голограммы», полученные при ее «поворотах». При таком подходе вопрос о синтезе соответствующих знаний автоматически снимается, поскольку всякая попытка соединить подобные абстракции вместе какой-либо формальной связью и «вынести» полученную таким образом систему на объект является столь же бессмысленной, как попытка получить представление о структуре детали, присоединив друг к другу ее чертежные проекции [Щедровицкий // <http://www.fondgp.ru>].

Структурная модель объекта имеет совершенно особую функцию в системе теории. Она является изображением объекта, созданным специально для того, чтобы объединить уже существующие знания. Исходя из этого, можно говорить, что именно набор объединяемых представлений задает

характер вводимой модели. Вместе с тем эта модель объясняет существующие представления и служит (наряду с логическим описанием произведенных абстракций) их обоснованием. В. А. Лефевр, выделивший эти логические функции, назвал соответствующий класс моделей «конфигураторами» [Лефевр 2003].

Модусная модель концепта, автором которой является М. В. Никитин [Никитин 1996, с. 149-202], представляет собой конфигуратор, соотносящий «функциональные модификации концепта, подструктуры в его глобальной структуре» [Никитин 2004, с. 54], которые этот ученый называет речемыслительными модусами концепта. М. В. Никитин выделяет три группы модусов: систематизационные, аргументно-предикатные и экстенциональные [Никитин 2004, с.54-57]. В свою очередь, в каждой группе модусов он размежевывает подгруппы, соответствующие более специализированным функциям. Так, систематизация концептуальных сущностей может осуществляться на разных основаниях и в соответствии с разными принципами. Например, в ходе классификационной деятельности субъекта образуются логические понятия (М. В. Никитин называет этот модус концепта классификационным). Организация членов категории в соответствии со степенью их типичности / нетипичности ведет к формированию концептуальных структур, организованных по принципу прототипа (это модус концепта, называемый структурационным). Сам же прототип, используемый при идентификации ментальных сущностей, получает в предложенной исследователем системе модусов название «опознавательный». В основе выделения аргументного и предикатного модусов лежит различие функций, выполняемых концептом в суждениях. Модусы экстенсии предмета мысли – общего (класса) и единичного – очерчивают область и род приложимости концепта [ibid.].

Как подчеркивает сам автор модусной модели концепта, данный перечень является открытым [op. cit, с. 60]. Так, например, Т. В. Лунева [Луньова 2006, с. 8-9] выделяет такие модусы концепта ГАРМОНИЯ, как рационально-логический (ср. классификационный у М. В. Никитина) и картинно-образный, а также модус фиктивности. К этим – статическим по своей природе – модусам концепта мы считаем целесообразным добавить и идентификационный модус, связанный с динамической ипостасью концепта [Морозова 2008, с. 71-73].

Актуализированный в дискурсе концепт представляет собой единство статических и динамического модусов. В разных ситуационных контекстах концепт «поворачивается» к интерпретатору своими разными гранями, при этом на первый план выдвигается тот или иной модус концепта. Проиллюстрируем вышесказанное на примере концепта ЛОЖЬ.

В классификационном модусе концепт ЛОЖЬ обеспечивает системное упорядочение соответствующего фрагмента мира в сознании субъекта. Классификация (от лат. *classis* - разряд и *facere* - делать, раскладывать [Словарь иностранных слов 1994, с. 325]) - это способ организации

информации с целью упорядочения определенного множества, которое разбивается на гетерономные по отношению друг к другу, но гомогенные внутри самих себя по какому-либо признаку (или признакам) подмножества [Новейший философский словарь 2001, с. 316]. Результатом классификационной деятельности человека является логическое понятие лжи. Характерным видом контекста, в котором на первый план выходит классификационный модус концепта ЛОЖЬ, является словарная статья. Отметим, что, вслед за А. Ж. Греймасом и Ж. Фонтанием, мы считаем толковый словарь «дискурсом, отражающим традицию данной культуры» [Греймас, Фонтаний 2007, с. 121], или прототипическим контекстом ситуации некоего типа. Рассмотрим пример словарного определения имени существительного *lie* (ложь), вербализующего концепт ЛОЖЬ: (1) *A lie is something that someone says which they know is untrue* (Большой англо-русский словарь 1972, с. 451). В этой словарной дефиниции эксплицированы такие семантические признаки рассматриваемого существительного, как «ошибочность сообщаемой информации» (слово-идентификатор *untrue* – ложный), «знание говорящего о ложности содержания высказывания» (слово-идентификатор *know* – знать), вербальный способ передачи сообщения (слово-идентификатор *say* – говорить). Отметим, что поскольку авторы этого словаря придерживаются широкого понимания лжи, в определении отсутствует признак «неискренность говорящего». При изменении вектора рассмотрения «языковая форма → значение» на «значение → знания о мире» семантические признаки слова *lie* предстают как составляющие концепта ЛОЖЬ, совокупность которых определяет содержание его ядра - логического понятия лжи. Существительное *lie*, выступающее в синтаксической функции подлежащего, находится в отношениях тождества с именной частью (*something* - нечто) сложного сказуемого, устанавливающего отношение тождества между денотатом этого существительного и сущностью, характеризующейся наличием вышеперечисленных признаков. В этом контексте, таким образом, в фокусе внимания оказывается внутренняя определенность (гомогенность) лжи, а концепт ЛОЖЬ предстает в своем классификационном модусе. Кроме того, он представлен в данном ситуативном контексте также и в идентификационном модусе, позволяющем установить эквивалентность содержания языкового знака *lie* описательной части словарной статьи.

Классификационный модус концепта ЛОЖЬ находится в фокусе внимания коммуникантов и в высказываниях, содержащих однородные члены, например: (2) *All the lies, all the deceptions, all the guilt and tangled feelings of the past five weeks piled up between them* (Michael, 331). В этом

примере ложь отграничивается от обмана (*deceptions*), вины (*guilt*) и противоречивых чувств (*tangled feelings*), т.е. на первый план выдвигается определенность лжи относительно смежных сущностей, или ее гетерономность.

Структурационный модус концепта ЛОЖЬ отличается от классификационного тем, что когнитивная операция упорядочения концептуальных признаков усложняется вследствие того, что, во-первых, круг последних расширяется путем вовлечения в рассмотрение признаков, не являющихся для соответствующего концепта конститутивными, во-вторых, эти признаки дифференцируются по степени их типичности / нетипичности. В результате образуется ментальная структура, организованная по принципу «ядро-периферия». В структурационном модусе перечень конститутивных признаков концепта ЛОЖЬ, соотносимых с интенционалом значения [Никитин 2001, с. 36], расширяется путем привлечения признаков, связанных с конститутивными признаками ассоциативно и составляющих импликационал значения [там же]. Ассоциативные признаки являются факультативными, и поэтому их перечень является открытым. Эти признаки детализируют концепт ЛОЖЬ, например: (3) *This filth, these obscene lies - how dare anyone accuse Garth of them!* (Michael, 380). Очевидно, что не всякая ложь является непристойной (*obscene*), однако здесь она, с точки зрения говорящего, является именно такой (клеветническое обвинение преподавателя в сексуальном домогательстве). Признак «непристойность», который является для концепта ЛОЖЬ факультативным, относится к периферии данного концепта. Таким образом, в ситуационном контексте, где существительное *lie* употреблено с модификатором, в фокусе внимания оказывается структурационный модус концепта ЛОЖЬ, отличительной чертой которого является разделение концептуальных признаков на обязательные и факультативные, то есть структурирование концепта по принципу "ядро - периферия". Отметим, что в таких случаях концепт ЛОЖЬ выполняет также и функцию идентификации, которая заключается в квалификации речевого поведения субъекта высказывания как лжи.

Когнитивные операции классификации и установлении степени типичности признаков объекта комплексно задействуются в процессе идентификации лжи в дискурсе. Идентификация (лат. *identificare* – отождествлять [Словарь иностранных слов 1994, с. 256]) определяется как осознание, распознавание чего-то или кого-то [Новейший философский словарь 2001, с. 265]. При распознавании лжи адресат сопоставляет имеющееся у него представление о текущей ситуации с типовым представлением о лжи, которым обладают представители определенной лингвокультуры. Эта

когнитивная операция характеризует концепт ЛОЖЬ в идентификационном модусе. В процессе идентификации речевого поведения индивида как лжи выявляются релевантные признаки текущей ситуации (это классификационный модус концепта ЛОЖЬ), устанавливается степень их типичности для ситуации лжи (это структурационный модус данного концепта) и на этом основании индивидом делается вывод о возможности (или невозможности) квалификации рассматриваемой ситуации как ситуации лжи (это идентификационный модус концепта ЛОЖЬ). Например: (4) *JAMIE: I never wanted to be an actor. You forced me on the stage. TYRONE: That's a lie! You made no effort to find anything else to do* (O'Neill, 32). Сын обвиняет отца в том, что он испортил ему жизнь, заставив стать актером. Для отца важен тот факт, что это обвинение является ошибочным, а сын – неискренним: он указывает сыну на то, что он никогда не прикладывал усилий, чтобы найти себе занятие по душе. На основании сравнения эпизодического представления о текущей ситуации с типовым представлением о лжи, имеющимся у него как члена лингвокультурного сообщества, отец приходит к выводу, что сын лжет и выражает эту мысль словами (*That's a lie!*). В этом предложении существительное *lie* является частью сложного сказуемого, что указывает на то, что концепт ЛОЖЬ актуализируется здесь в идентификационном модусе.

Таким образом, рассмотренные модусы концепта ЛОЖЬ – классификационный, структурационный и идентификационный – определяются в соответствии с тем, какие когнитивные операции – классификации, установления меры типичного / нетипичного или идентификации – выдвигаются на первый план в том или ином контексте. Все указанные когнитивные операции комплексно задействованы в процессе идентификации лжи в конкретной ситуации.

Соотнесение существующих представлений о структуре концепта (компонентная модель) с вышеописанным конфигуратором позволяет увидеть, что «понятийная, образная и ценностная составляющие» являются не чем иным, как модусами в глобальной структуре концепта, что дает возможность объединить существующие представления в рамках единой модусной модели. Как отмечает Г. П. Щедровицкий [Щедровицкий <http://www.fondgp.ru>], когда подобное объединение осуществлено, конфигуратор становится ненужным и сама модель может быть опущена в системе теории. Но чаще созданные таким образом структурные модели объектов и все связанные с ними построения остаются, начинают жить и развиваться по своей собственной логике и становятся особым слоем теории или даже особой научной дисциплиной.

Литература

Большой англо-русский словарь: В 2-х т. / Под общ. ред. И.Р.Гальперина. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – Т.1.А-Л. – 823 с. *Воркачев С.Г.* От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // *Vita in lingua*: К юбилею профессора С. Г. Воркачева: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 39-60. *Греймас А.Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души: Пер. с фр. И.Г.Меркуловой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: (Монография). – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. – М.: ТЕИС, 2003. – 158 с. *Луньова Т. В.* Лексикалізований концепт ГАРМОНІЯ в сучасній англійській мові: структура і комбінаторика : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Тетяна Володимирівна Луньова. – К., 2006. – 22, [1] с. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики: Учеб. пособ. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с. *Никитин М.В.* Метафорический потенциал слова и его реализация // *Studia Linguistica*. – СПб.: Тригон, 2001. – Вып. 10: Проблемы теории европейских языков. – С. 36-50. *Никитин М.В.* Развернутые тезисы о концептах // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2004. – №1. – С.53-64. *Морозова О.І.* Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : Дис. ... докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Олена Іванівна Морозова.. – К., 2008. – 491 с. *Новейший философский словарь* / Гл. ред. А.А.Грицанов; н. ред. М.А.Можейко, Т.Г.Румянцева. – 2-е изд. – Минск: Интерпрессервис, Кн. Дом, 2001. – 1280 с. *Приходько А.Н.* Концепт как трехмерное ментальное образование // *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна*. – Сер. Романо-германська філологія. – 2006. – № 726. – С. 20-25. *Словарь иностранных слов* / Под ред. И.В.Лехина, Ф.Н.Петрова. – 4-е изд. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1994. – 853 с. *Слышкин Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с. *Шаумян С.* Абстракция в современной лингвистике // *Логос*. – 1999. – №1, Т. 11. – С. 186-213. *Щедровицкий Г. П.* Проблемы методологии системного исследования. – М.: Знание, 1964. *Щедровицкий Г. П.* К характеристике основных направлений исследования знака в логике,

психологии и языкознании // <http://www.fondgp.ru>. *Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind.* – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p.